

лучшие детективы мира

КУРТ АУСТ ВТОРОЙ ПОСЛЕ БОГА

Вы словно слышите
шелест между строк —
расслабьтесь,
позвольте себе
развлечься!

secretcorpus

ТАЙНОЕ СТАНОВИТСЯ ЯВНЫМ

Курт Ауст
Второй после Бога
Серия «Томас Буберг и Петтер Хорттен», книга 2

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=7008561
Второй после Бога : роман / Курт Ауст: АСТ: CORPUS; Москва; 2014
ISBN 978-5-17-082937-8

Аннотация

Знаменитый автор-криминалист Курт Ауст – датчанин, ныне живущий в Норвегии и пишущий по-норвежски, стал широко известен в Европе после публикации его первой книги “Судный день” (1999), отмеченной премией “За лучший дебют”. Этой книгой писатель открывает криминальную серию из времен Средневековья, в которую вошел и роман “Второй после Бога”, удостоенный престижной норвежской премии *Riverton* и литературной премии “Стеклянный ключ” как лучший скандинавский детектив за 2003 год. Книги серии объединены не только временем и местом действия, но и главными персонажами – это датский профессор Томас Буберг и его ученик, норвежец Петтер Хорттен.

В романе “Второй после Бога” героям в очередной раз предстоит расследовать ряд таинственных отравлений и мистических смертей, произошедших во время секретной поездки папского нунция по лютеранской Норвегии. Тогда юный Петтер головой отвечал за безопасность посланника Папы и его благополучное возвращение в Копенгаген.

Содержание

Глава 1	7
Среда 24 октября	10
Глава 2	10
Глава 3	17
Глава 4	23
Глава 5	29
Четверг 25 октября	34
Глава 6	34
Глава 7	42
Глава 8	45
Глава 9	49
Конец ознакомительного фрагмента.	53

Курт Ауст

Второй после Бога

This translation is published with the financial support of NORLA

© 2003 H. Aschehoug & Co (W. Nygaard), Oslo

© Л. Горлина, перевод на русский язык. Наследники. 2014

© А. Бондаренко, художественное оформление, макет, 2014

© ООО «Издательство АСТ», 2014

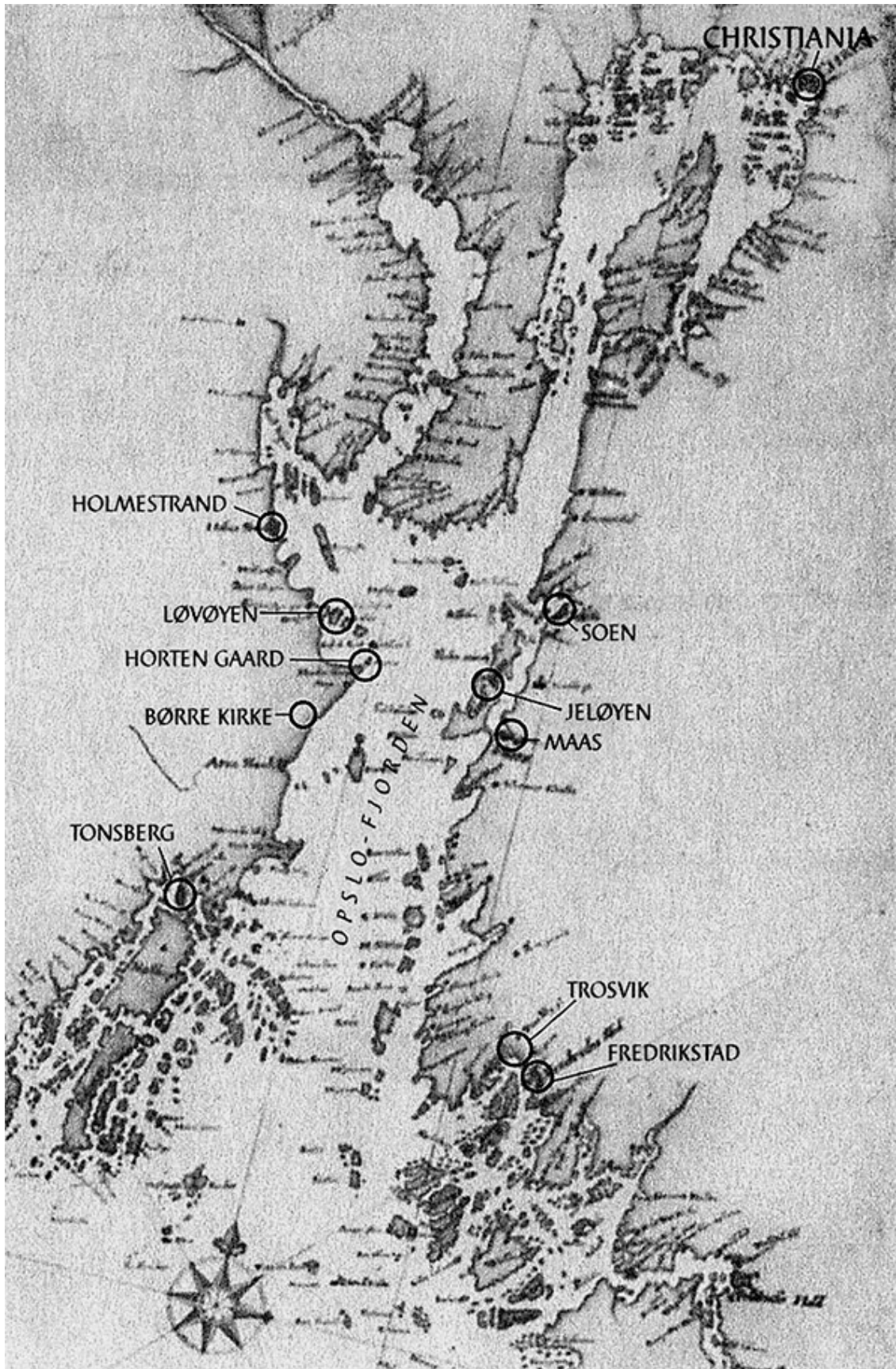
Издательство CORPUS ®

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

© Электронная версия книги подготовлена компанией ЛитРес (www.litres.ru)

* * *

Посвящаю памяти моих родителей

Фрагмент карты Йенса Сёренсена 1710 года “Из Скагена-Гётеборга в Христианию и Арендал”. Карта отражает точку зрения Королевского Директората Морских карт, считав-

шего, что “в Норвегии морей нет”. Иначе говоря, она нарисована по другим картам того времени.

Жители Фло вырезали две фигуры святых, дабы почитать этих святых, и относились к ним с божественными почестями.

Это почитание огорчало господина пастора, который по этой причине, – в минуту, когда его героический дух был особенно возмущен, – выбросил эти фигуры в реку, бегущую вдоль кладбища во Фло.

(История Реформации, записанная пастором во Фло, год 1691)

Глава 1

Give every man thy ear, but few thy voice; take each man's censure, but reserve thy judgement.

Я с удивлением смотрю на эти слова. Снова и снова читаю их, разбираю старинные буквы и английский язык слово за словом: “Всех слушай, но беседуй редко с кем. Терпи их суд и прячь свои сужденья”¹, – и всякий раз прихожу к одному и тому же выводу: это слова Томаса!

В смятении я листаю эти записки – очень похоже, что это откровения безумца, вывернувшего себя наизнанку, после чего некто приложил усилия к тому, чтобы сжечь и утопить эти письма. И вот среди потока слов о призраках, интригах и убийствах вдруг появляется фраза, простой и разумный совет, от которого у меня перехватывает дух, и я вижу живого Томаса, произносящего эти слова.

Его слова. Его совет. Как они сюда попали? Как неожиданно возникли на случайном листе бумаги, найденном мною в доме случайного торговца, у которого я живу на каком-то случайном острове, неподалеку от которого мы сели на мель. Слова Томаса, написанные по-английски.

Я зову Барка, мне хочется пить, жажда дерет горло и доводит меня до безумия. Вот он поднимается со своего тюфяка у двери и входит ко мне, спокойный, надежный, как всегда, – такой уж он есть, этот высокий человек. Вода успокаивает меня, я снова листаю страницы, снова читаю те слова и вижу, что они не меняются. В смятении я откладываю бумаги и оглядываю комнату. Нет, невозможно, чтобы два человека написали одинаковое отеческое наставление. Или все-таки возможно? Нет, только не так точно, слово в слово, такого не бывает. У меня есть два предположения: либо Томас написал эти слова и отослал кому-то, кого я не знаю, либо процитировал кого-то, не сказав, кому принадлежит это высказывание и откуда он это взял. И то и другое одинаково возможно. Когда мы впервые встретились, Томас уже прожил половину своей жизни, к тому же жизнь время от времени разводила нас в разные стороны и была так богата событиями, что мы не все успевали рассказать друг другу. Да и вообще Господин не все рассказывает своему Слуге. Это естественно.

И тем не менее я не могу оторваться от этих строк, написанных на старой бумаге.

Барк ждет, глядя на меня. Я машу ему, чтобы он ушел, – он мешает мне думать.

Каморка маленькая, в ней гуляет сквозняк, пламя дрожит, как ноги у старика, ровный ручеек стеарина стекает по одной стороне свечи и капает на пол. Я нахожусь на острове Лэссёйен. Не по своей воли, а вопреки ей. Неужели такова воля Божия?

Я не совсем понимаю Его намерения в отношении меня. Не понимаю их с самого Виборга, когда несколько недель назад Он позволил половине моей жизни, моему господину и ученику, при котором я состоял почти три десятилетия, князю Реджинальду, отказать мне от места и навсегда покинуть меня. Мой немецкий князь... поправка: мой *бывший* немецкий князь, которому я преданно служил как домашний учитель еще тогда, когда он был дерзким восьмилетним сопляком... – или девятилетним?... – уже наверняка покинул Данию и отправился в свое небольшое княжество. Сущий пустяк задел его гордость и высокородную честь подобно горящей стреле, он вскипел, и между нами произошла ссора, из-за которой мы расстались далеко не друзьями. О, как бы мне хотелось, чтобы этого не было!

Идет год 1747-й от Рождества Христова, и мое старое тело, пережившее уже шестьдесят шесть лет, приближается к такому же количеству зим. Стоит осень, пора увядания, и я чувствую, что Господь взялся за меня всерьез. Однако, как всегда, я в этом не уверен. По простоте душевной я долго считал, что моя старость будет спокойной, без резких поворотов,

¹ Уильям Шекспир. Гамлет, принц датский. Перевод Б. Пастернака.

без внезапных перемен, характерных для моей молодости. Однако мое пребывание в этой каморке свидетельствует совсем о другом.

Моя каморка – это комната для приезжих у торговца Бурума на острове Лэссёйен. Он оказался так великодушен, что оказал мне гостеприимство, разрешив жить у него столько, сколько мне понадобится. Комната небольшая, но в ней есть кровать, в которой я нуждаюсь не только ночью, стол и стул.

В том, что мы, мой слуга Барк и я, оказались на этом острове, был виноват сильный северо-западный ветер, заставивший наш корабль изменить курс. Мы шли из порта Скиве в ютландском Лимфьорде в Норвегию, погода была благоприятная, наше судно шло на север вдоль восточного берега Ютландии, Скаген находился у нас с левого борта. Неожиданно сильный ветер заставил шкипера искать спасения на берегу. Но ветер усиливался и вместо Фладстранда мы были вынуждены взять курс на Лэссёйен в поисках убежища на этом острове между Данией и Швецией. В то время я лежал больной в своей каюте не в силах поднять головы и потому не мог следить за борьбой судна с непредсказуемыми силами природы.

Через несколько дней шкипер и судно покинули Лэссёйен, а мне, Петтеру Хорттену, пришлось остаться.

Меня мучила не морская болезнь, к ней я уже давно был невосприимчив. То, что со мной могло сделать море, было детскими игрушками по сравнению с тем, что преподнесла мне жизнь во время этого бурного путешествия, которому, казалось, никогда не будет конца. Лихорадка трепала меня еще много дней уже после того, как мы сошли на берег. Она была не похожа на обычную лихорадку, потому что никакие средства, которыми меня потчевала одна мудрая женщина, жившая на этом острове, не могли ее изгнать. Все мое нутро пылало от жара, душа сгорала на адском огне, а память терзали воспоминания, которые я хотел бы забыть. О Боже, зачем Ты наградил меня такой памятью! Почему я не могу погрузиться в блаженное детское забытие, свойственное некоторым старым людям? Впасть в новое детство, пусть я и старик, обрести детскую душу в теле старого человека?

Чего я, собственно, достигну, вернувшись обратно в Норвегию? Есть ли в этом смысл, есть ли теперь смысл хоть в чем-нибудь?

Как неприкаянный призрак, как дух, не попавший в освященную землю и потому не нашедший покоя, я, старый человек, еду на север. Наверное, есть какой-то смысл в том, что я еще жив, что какая-то причина заставляет меня открывать глаза, как только занимается день. Можно подумать, будто я стремлюсь в Норвегию, в мое родное селение, в то место, которое я когда-то называл “домом”, будто еще надеюсь получить ответ: “Да, именно поэтому ты должен жить, Петтер Хорттен!”

Когда я несколько дней назад лежал в горячечном бреду, мне приснился сон, который я теперь, когда лихорадка уже прошла, без конца вспоминаю. Я стою под большим деревом, огромным, как мир, и вижу под его корнями пещеру, бесконечную, как море. От корней тянутся нити, тысячи нитей, их не меньше, чем песчинок на берегу, и я иду среди них и дивлюсь, какие они все разные. Одни – длинные, другие – тонкие, третьи – острые, четвертые – живые, пятые – оборванные, эти выглядят сухими и увядшими. Я иду по темным ходам пещеры и замечаю, как что-то направляет мои шаги, заставляет меня идти в определенном направлении. Не понимая, почему, я наклоняюсь под толстым корнем и попадаю в более темное место под огромным стволом дерева.

Там, в паутине других нитей, что-то приковывает мой взгляд, что-то длинное и скрюченное, не изящное и не сильное, скорее, лирическое и грустное, оно словно шепчет мне о любви и тоске. Его узелки и шрамы производят впечатление уязвимости и в то же время – ума, и я стараюсь приблизиться, чтобы как следует это разглядеть. Тогда оно слабо вспыхивает, словно светится изнутри, и меня охватывает радость, как будто оно – частица меня самого. Неожиданно в темноте блестит металл. Чья-то корявая рука хватается эту корневую

нить, другая уже готова ее перерезать. В страхе я хочу закричать, но, похоже, под корнями этого большого дерева нет никаких звуков, там царит мертвая тишина. Неожиданно я вижу, что и нож и нить держит в руках старая женщина. Ее морщинистое лицо, старое, как сама земля, выражает радость и скорбь, любовь и ненависть – все человеческие чувства высечены на ее лице, и я вижу, что она колеблется. Глазами, которые видели все, она долго, не мигая, смотрит на меня. Потом убирает нож и беззвучным голосом говорит, что она Скульд, а потом отворачивается от меня и исчезает. В ту же минуту я просыпаюсь.

Через несколько часов лихорадка отступила, и меня перестало рвать, когда я принимал пищу.

Скульд, – сказала она.

Урд, Вернанди, Скульд. Я помню их имена. Три норны, три богини судьбы в древней языческой вере в бога Одина. Они жили под большим ясенем, Иггдразилом, и вершили судьбы людей.

Скульд – звучит почти как “скюльд” – вина. Неужели норна хочет, чтобы я вспомнил все свои провинности, которые накопились у меня за всю мою жизнь? Уж не потому ли она отпустила мне еще немного времени, не стала перерезать нить моей жизни?

Гм-м! Не верю я в это старое язычество. Я взбиваю подушку и подкладываю ее под спину, лежу и смотрю на пляшущие по стене тени, они пляшут, как духи, когда ветер проникает в щели окна и играет последним пламенем.

Вина. Конец. Добрый совет. Начало.

Всех слушай, но беседуй редко с кем. Это начало. Смерть и вина – конец.

Я грустно вздыхаю над своими смутными мыслями, сжимаю пальцами фитиль стеариновой свечи, который шипит и плюется от бессилия, и свет неохотно покидает комнату, предоставив ее во власть осенней темноты. Воздух сырой, и от постельного белья пахнет плесенью – вот она цена за жизнь на острове посреди моря. Кричат чайки, и неровный, но беспрерывный шум волн заставляет мысли пуститься в путь – обратно в прошлое, обратно, обратно...

Среда 24 октября Год 1703 от Рождества Христова

Глава 2

– Всех слушай, но беседуй редко с кем. Терпи их суд и прячь свои сужденья, – сказал Томас и торжественно посмотрел на меня.

Я тупо уставился на него.

– Что?.. – Я почесал себе грудь и подавил зевок. – Что ты хочешь этим сказать? Почему ты вдруг так заговорил?

– Даю тебе добрый совет, – ответил Томас, раздраженный моей несообразительностью. – Тебе предстоит действовать самостоятельно, и потому ты нуждаешься в добрых советах. Иначе ты не справишься с тем, что на тебя возложено.

– Но раньше-то я справлялся, – возразил я.

– Ты еще никогда не был посланцем короля, оставшимся без моей помощи. Так что запомни мои слова и перестань зевать, как разморенный пес. Вон идет твой Господин и гость короля. – Томас пошел вдоль поручней и оставил меня одного в утренней дымке.

Папский нунций Микеланджело дей Конти осторожно шел по палубе, протянув вперед одну руку, словно слепой, – он явно был не уверен в том, как поведет себя палуба под его ногами. Его Высокопреосвященство не привык к морю и был бледен после долгой бессонной ночи. Эта ночь была долгой и для меня, я то и дело прикладывал руку ко лбу папского посланца или вытирал с пола в каюте содержимое, извергнутое его бунтующими мирскими внутренностями. Он молил своего Бога о спокойном плавании, и, судя по всему, его молитва была услышана, потому что дул попутный ветер и волны были небольшие. Однако он свешивался ночью со своей койки, наверное, чаще, чем я за всю свою двадцатилетнюю жизнь, и одновременно беспрестанно взывал к Всевышнему, чего я тоже никогда в жизни не делал. Под утро он забылся беспокойным сном. И я сам наконец-то смог смежить веки на несколько часов.

Пробило восемь склянок, когда Его Высокопреосвященство выбрался на палубу и схватился обеими руками за поручни.

– *La Tempesta*, кажется успокоился, господин Хорттен? – Его фигура словно окаменела, красные глаза смотрели на воду. С острого носа начали капать блестящие капли, он вынул из рукава белоснежный платок и тщательно вытер нос.

– Шторм утих, Ваше Высокопреосвященство, – подтвердил я. – Ваши молитвы были услышаны.

Он пробормотал длинную латинскую фразу, смысла которой я не уловил, и тут же мы услышали крик боцмана:

– Убрать паруса! – И сразу после того, как судно повернулось против ветра: – Бросить якорь!

Несколько матросов уже стояли у большой шлюпки, приготовившись спустить ее на воду. Шлюпка должна была доставить нас во Фредрикстад, и я обратил внимание нунция на то, что уже очень скоро мы покинем корабль. Он поглядел на шлюпку, на берег и проговорил слабым голосом:

– *Sancta Maria. Ora pro nobis.*

Я сказал ему, что должен пойти и собрать наши вещи.

Идя по палубе, я думал: “Неужели он верит, что святая Мария будет молиться за нас лишь потому, что нам предстоит спуститься в шлюпку, или потому, что мы должны пристать к берегу этой безбожной и варварской Норвегии?”

Да, Норвегии. Наконец-то я вернулся сюда. Пробыв четыре года слугой и секретарем профессора Томаса Буберга в Копенгагене, я буду снова ходить по норвежской земле. Я остановился у правого борта и посмотрел мимо острова Рауёйен в надежде увидеть мои родные места. Стоя от нетерпения, я вообразил себе, что вижу в предутреннем свете синеющий силуэт Бастёйна, и знал, что там, за ним, находится усадьба Хорттен, место, где я вырос и с которым связаны все мои самые ранние воспоминания. Вскоре я снова все это увижу. Я представлял себе, что хозяйка Хорттена выбежит и обнимет меня, как только я появлюсь на дворе усадьбы, что хозяин, немного смущенный, будет стоять позади и довольно посмеиваться про себя, что Нильс пробежит мимо по дороге к хлеву и дружески хлопнет меня по плечу. К нам заглянет старый Сигварт, он будет жевать табак и рассказывать сплетни, байки и последние новости, блаженно смешав их в один рассказ и совершенно забыв, что я вернулся домой, повидав мир и королевскую столицу, и потому, наверное, могу рассказать больше, чем он. Но я разрешу ему болтать, устроившись на лавке у южной стены дома, буду смотреть на бухту, на Кьесемаркен, на Лёвёйен и буду наслаждаться тем, что я дома, по настоящему дома.

Мои мысли были прерваны звонким смехом, донесшимся со шканцев. Я поднял глаза и увидел стоявших там фрейлейн Сару и юнкера Стига, – они смотрели на меня. Юнкер Стиг наклонился к ней и сказал что-то, заставившее прекрасный смех взмыть к серому небу, а матросов, занятых такелажем, чуть не свалиться за борт, потому что они пытались увидеть ее из-за грота, который в это время крепили к рее. Но мне ее смех не доставил ни малейшего удовольствия – ведь я знал, что она смеется надо мной. Я направился к люку, чтобы спуститься в каюту и заняться нашими вещами.

– Надеюсь, секретарь-помощник позаботится о том, чтобы сундуки и мелкие вещи фрейлейн Сары доставили на берег! – скомандовал юнкер Стиг гнусавым голосом, его левая рука небрежно покоилась на начищенном до блеска эфесе шпаги.

На мгновение солнце прорвалось сквозь облака: она тоже едет во Фредрикстад! Я обернулся и в качестве приветствия приложил к виску два пальца.

– Пока, шкипер! – сказал я грубым матросским голосом и снова услышал звонкий смех. На этот раз он показался мне сладким, как бутерброд с медом, и я с улыбкой нырнул вниз в темноту.

Я быстро собрал вещи. Нунций дей Конти вряд ли успел открыть свой сундучок до того, как начал приносить жертвы морю, да и я по той же причине не открывал свой. Несколько мгновений я раздумывал, стоит ли мне надеть парик. Он был новый и белый, как первый снег, намного красивее, чем парик юнкера Стига, и, возможно, заставил бы глаза фрейлейн Сары хотя бы ненадолго оторваться от юнкера. Нет, конечно, со стороны простого писца и проводника заморского гостя глупо было думать, будто он может соперничать с дворянином и камер-юнкером. Это все равно, что думать, будто простая муха способна отвлечь на себя внимание от яркой бабочки. Кроме того, парик помешал бы мне грести к берегу.

Перед тем как закрыть свой сундучок, я вынул из него лист бумаги и медленно прочитал то, что было на нем написано. И хотя я уже много раз читал этот документ и знал его назубок, глаза мои задерживались на каждом слове, медлили и повторяли по нескольку раз такие слова, как “*богохульство*” и “*сожжение на костре*”, почему-то я никак не мог от них оторваться. Кто-то спустился по трапу и направился к каютам. Я быстро спрятал бумагу в карман и схватил наши вещи. Однако не успел выйти из каюты, как путь мне преградил какой-то высокий человек.

– Одну минутку, господин секретарь-помощник, – сказал Томас гнусавым голосом и вошел в каюту.

– Слушаю вас, ваше мужицкое величество. – Мне стало смешно. Томас был одет как простой мужик, на голове у него красовалась простая вязаная шапка, красная с серым. Он затворил двери и сел с серьезным видом. Потом кивнул:

– Ты помнишь, где сможешь меня найти, если тебе понадобится моя помощь?

– Конечно.

– Да-да. Разумеется, помнишь. – Томас снова кивнул и огляделся, словно хотел проверить, что вещи уже собраны. – У тебя есть с собой все, что нужно? – спросил он без всякого интереса. Видно, его занимало что-то другое.

– В чем дело, господин Томас?

Томас почесал пышную шевелюру и поднял на меня глаза.

– Даже не знаю, важно это или нет, – сказал он. – Но меня мучит какое-то предчувствие... Что-то назревает. Так что береги себя, ну и, конечно, папского нунция. Ведь ты знаешь, что... – Он вдруг замолчал, немного смущенно взглянул на меня и встал.

– Знаю что?.. – Я загородил ему дорогу. – Что именно я должен знать? Есть что-то, чего я не знаю, и знаю, что не знаю?

Томас промолчал, избегая моего взгляда.

– На что, черт возьми, ты намекаешь? – Я ткнул в него пальцем. – Я должен знать местность и быть проводником для посланца Папы, который хочет самостоятельно объехать Норвегию. Должен сопровождать его, позволять ему самому решать, что он хочет увидеть и куда хочет поехать, ну и, наконец, позаботиться о том, чтобы он благополучно вернулся в Копенгаген. Таковы мои обязанности. Есть еще что-то, что мне надо знать?

– Да-да, все верно, – быстро сказал Томас. – Таковы твои обязанности. Ты должен позаботиться о том, чтобы он благополучно вернулся в Копенгаген.

– Но все это я знал и раньше! А что еще?

Раздраженно что-то ворча, Томас сел на край койки. Почесал бороду. Потом повернулся и схватил один узел.

– Я помогу тебе вынести вещи на палубу, – сказал он.

– Томас! – Я помешал ему открыть дверь.

Он посмотрел на меня. Вздохнул.

– Ты должен позаботиться о том, чтобы нунций вернулся в Копенгаген целым и невредимым.

Он оттолкнул меня и выглянул за дверь. Убедившись, что нас никто не подслушивает, он продолжал:

– Ибо, если с посланцем Папы что-то случится, отвечать придется тебе... Вся вина ляжет на тебя... – Он сделал выразительное движения, проведя пальцем по горлу. – Ты потеряешь голову. – Томас прикоснулся пальцем к моему носу. – Вот *теперь* ты знаешь все.

Я в изумлении уставился на него, потом тяжело сел и сглотнул слюну.

– Но... но разве ему угрожает опасность? Юнкер Стиг тоже едет с нами и будет его охранять.

– Юнкер – дворянин, – сказал Томас, словно это все объясняло. Но потом все-таки пояснил свою мысль: – Юнкер Стиг вывернется, ему покровительствует королева. А вот ты... – Он подошел к трапу и выбросил узел на палубу. – А тебе покровительствует простой мужик, который на этой шхуне отправится дальше, в Христианию, – сказал он через плечо и исчез вслед за узлом.

Я остался в каюте. Ничего себе!

Я лишусь головы, если с папским нунцием что-нибудь случится! Я, самый обычный секретарь и слуга! У меня подогнулись колени, и я со стоном рухнул на койку. Каким образом я смогу защитить его? У меня нет даже шпаги или пистолета. Оружие есть только у юнкера Стига. Как я смогу защитить этого гостя? И от кого его следует защищать? Никто не предупредил меня, что он может оказаться в опасности, что кто-то ему угрожает, хочет причинить ему зло, лишить жизни.

Но так ли это на самом деле? На что именно намекал Томас?

Значит ли это, что от меня ждут большего, чем только отчета о поездке?

Три месяца назад Папа Римский Климент XI отправил архиепископа Тарсусского, нунция, Его Высокопреосвященство Микеланджело дей Конти к датскому королю Фредерику. Визит носил официальный характер – посол должен был познакомиться с королевством Дания-Норвегия и написать Папе отчет об этой далекой стране, дабы Папа и чиновники Ватикана узнали больше об этом северном крае.

Король, по его словам, позаботился, чтобы папский посол чувствовал себя как дома, и приказал своим подданным сделать все, чтобы представить страну папскому послу в лучшем свете.

– Небось король еще помнит Молесурта, – сказал Томас с жесткой улыбкой.

Я спросил, кто такой Молесурт, но не получил ответа, потому что младшая дочь Томаса позвала нас обедать.

Несколько недель назад у меня спросили, не соглашусь ли я быть проводником нунция в его предстоящей поездке по Норвегии. “Спросили” – более приятное слово, чем “приказали”, сказал Томас, когда излагал мне суть дела. На самом деле выбора у меня не было. Кто станет возражать против желания монарха? К тому же я был так удивлен и смущен тем, что Его Королевское Величество вообще слышал о каком-то жалком секретаре по имени Петтер Хорттен, что никогда не посмел бы отказаться от столь почетного поручения.

Оказалось, что король узнал обо мне от юстициария Верховного суда Виллума Ворма, у которого не хватало слов, чтобы выразить свое восхищение Томасом и мной за наше умение “находить выход из щекотливых положений”, как он однажды выразился. Он имел в виду событие, которое произошло четыре года назад, когда мы с Томасом раскрыли два убийства в трактире на юге Ютландии и через полгода еще одно убийство в усадьбе под Виборгом. Он считал, что в обоих случаях мы проявили “необыкновенную находчивость и сообразительность, а также желание добиться торжества справедливости”, что, по его мнению, было редким сочетанием. Томас с усмешкой сообщил мне, что именно так он и выразился. И то, что я знал Норвегию, говорил по-норвежски и, кроме того, изъяснялся по-латыни не хуже католического епископа, решило дело. Я был назначен проводником и переводчиком нунция и получил титул “секретарь-помощник”.

Секретарь-помощник застонал под грузом внезапно наложенной на него ответственности и встал с койки. С палубы уже донеслись крики, говорившие о том, что большую шлюпку вот-вот спустят на воду. Мимо меня пробежали два матроса, и я велел им вынести на палубу багаж фрейлейн Сары. Я слышал, как они возились и шумели, ожидая, что я поспешу им на помощь, но... секретарь-помощник заморского гостя не носит сундуки и узлы только потому, что ему это приказал какой-то камер-юнкер.

Да, камер-юнкер.

Я снова опустился на койку, потому что у меня возник другой вопрос: каким образом юнкер Стиг оказался в Норвегии?

Когда меня неделю тому назад представили нунцию дей Конти, он весьма неохотно принял мою помощь, потому что намеревался самостоятельно совершить поездку по Норвегии. Секретарь из Датской канцелярии, который представил нас друг другу, покорно, но твердо довел до сведения нунция, что в Норвегии почти нет людей, которые говорили бы

на языке, понятном иностранцу, и что к тому же норвежская природа и отсутствие дорог не только затрудняют любую поездку, но и таят всевозможные опасности в виде диких животных, и поэтому с иностранцем, желающим посетить эту страну, они всегда посылают знающего проводника. Дабы подчеркнуть серьезность своих слов, он показал нунцию рисунок отвратительного морского змея, которого в свое время изловили в озере Мьёса. На рисунке было изображено, как змей, напавший на лодку, схватил своими челюстями за талию какого-то человека и тащит его в воду. Рисунок был сделан католическим епископом, так что, по мнению секретаря, у сомневающихся в его подлинности уже не должно было возникнуть никаких вопросов. Нунций равнодушно поглядел на рисунок, потом на меня темными, задумчивыми глазами и кивнул неохотно, – он смирился с моим присутствием.

Четыре дня назад я уложил свои вещи, попрощался с Томасом и его женой фру Ингеборг и вскоре сидел в карете рядом с нунцием, готовый отправиться с ним в Ольборг. Нунций пожелал, чтобы поездки по морю были сведены до минимума, поэтому я предложил, чтобы мы отправились в Северную Ютландию, откуда могли бы самым коротким путем добраться морем до Норвегии. К тому же там, на севере, велась оживленная торговля, и нам было бы нетрудно найти попутный корабль. Однако не успел кучер взмахнуть кнутом, как у дверцы кареты неожиданно появился благородного вида молодой человек, который представился камер-юнкером Стигом Бьельке-Гюстровом, сыном Тюге Бьельке-Гюстрова, владельца земель в Брауншвейг-Кёнигслюттере. Он вежливо поклонился и выразил сожаление по поводу того, что при дворе ему приказали сопровождать нас в нашей поездке по Норвегии. Его слуга уже начал грузить в нашу карету его багаж.

Нунций дей Конти сильно разгневался, он по очереди на все корки бранил юнкера, меня и кучера, но в конце концов должен был успокоиться. Камер-юнкер имел письмо от Датской канцелярии, в котором выражались сожаления по поводу изменения плана, однако это был недвусмысленный приказ высшей королевской инстанции – благородный юнкер должен сопровождать нунция, дабы обеспечить ему защиту.

Его Высокопреосвященство нунций дей Конти смягчился не так быстро. Всю дорогу через Шелланд, Фюн и дальше, пока мы ехали по Ютландии, он просто-напросто отказывался признавать существование юнкера и его слуги. Нунций смотрел на юнкера как на пустое место, делал вид, что не замечает его попыток завязать разговор, словно звук его голоса был всего лишь скрипом каретных колес, и обращался исключительно ко мне, когда хотел получить ответ на свои многочисленные вопросы. Абсурдное положение: четыре человека в карете, из которых двоих как будто не существует!

Мои мысли были прерваны громкими голосами, долетевшими до меня с палубы. Ничего необычного в этом не было, как-никак, а мы находились на судне, но один из голосов несомненно принадлежал женщине, а, насколько мне было известно, на судне находилась только одна женщина. Я схватил последние пожитки и быстро выбрался на палубу.

У поручней, готовая спуститься по трапу в шлюпку, со слезами на глазах стояла фрейлейн Сара и сердито смотрела на капитана.

– Вы взяли деньги! – крикнула она по-немецки и топнула ногой. – Вы сказали, что проезд от Амстердама до Дании стоит два риксдалера и получили эти деньги. Нельзя вот так ни с того ни с сего являться и требовать доплаты!

Капитан невысокий, плотного сложения человек с кислым выражением на загорелом обветренном лице стоял между поручнями и фрейлейн Сарой.

– Я сказал, что два риксдалера стоит проезд до Дании, – твердо заявил он, – но фрёкен пожелала плыть дальше, в Норвегию. А за это надо заплатить еще один риксдалер. Все очень просто. – Он посмотрел на большой сундук, который матросы собирались спустить в шлюпку. – Или я оставлю у себя ваш сундук в качестве залога.

– Вы... вы собачье дерьмо, капитан... вы обыкновенный жулик. Норвегия – часть Дании, и вы это прекрасно знаете, так что я заплатила вам все, что полагалось. – Она в растерянности огляделась по сторонам. Моя рука уже сама собой потянулась к кошельку, когда ее голубые глаза остановились на юнкере Стиге. Он шепнул что-то своему слуге, тот подошел к капитану и сунул ему в руку монету.

– Полагаю, что теперь все в порядке, – сказал юнкер Стиг. – Норвегия – часть Дании, так что капитану в следующий раз следует быть более точным, когда он договаривается с пассажирами о плате за проезд.

Капитан взглянул на полученную им монету, это был далер, из тех, которые собирались вот-вот изъять из обращения. Он мрачно сказал, что это едва ли составит половину того, что эта женщина ему должна, но юнкер уже повернулся к нему спиной и помогал фрейлейн Саре спускаться по трапу. Внизу, в шлюпке, ей помогли матросы.

Вскоре большая шлюпка уже шла к берегу. Я сидел на корме между штурманом и моим новым господином, которого то и дело подхватывал, когда его тело вдруг теряло равновесие. Между приглушенными стонами, вызванными резкими движениями шлюпки, я слышал, как фрейлейн Сара повторяет слова благодарности за решительное и смелое вмешательство господина юнкера – девушка оказалась в трудном положении и этот подлый и жадный “кнуете” несправедливо с ней обошелся. Юнкер Стиг с трудом удерживал одновременно и шляпу под мышкой, и парик на голове, но вид у него был довольный – задрав нос, он сидел рядом с фрейлейн Сарой на носу лодки.

Я думал о том, что может означать слово “кнуете”, наслаждался звуком ее голоса и смотрел на нашу шхуну, где за мачтой виднелась крупная фигура Томаса. Он смотрел нам вслед.

Томас в крестьянском платье. Я невольно покачал головой. Почему вообще Томас здесь оказался?

Этот вопрос уже не первый раз возникал в моей голове за последние сутки, однако у меня ни разу не было возможности потребовать у Томаса объяснений, потому что нунций дей Конти, как известно, не привык к морским путешествиям и все время нуждался в моем внимании.

Когда наша карета прибыла в Ольборг, я зашел в портовый трактир, чтобы узнать, какое судно направляется отсюда в Осло-фьорд. Я знал, что в трактирах люди обычно бывают лучше осведомлены о таких вещах, чем где бы то ни было. Пока я стоял и ждал, когда хозяин выйдет ко мне из задней комнаты, у меня за спиной пророкотал чей-то голос:

– За бригом, что ты видишь перед собой, стоит галиот, на него грузят зерно для Норвегии. Он будет готов к отплытию завтра до полудня. Капитан может взять с собой четырех пассажиров, если, конечно, захочет и если поймет, что сможет на этом заработать.

Наверное, у меня был такой вид, будто ко мне обратился человек, свалившийся с неба, потому что хозяин трактира остановился, поглядел на нас, прищурил глаза, и спросил, не смутил ли этот мужик важного господина.

Мне хотелось ответить “да”, только чтобы увидеть, как Томас выкрутится из этого положения, но удивление сковало меня так, что я смог лишь отрицательно помотать головой. Я взглянул на его крестьянскую одежду и не сказал ни слова. Потом дверь отворилась, Томас исчез, словно его тут и не было, а в дверях появился Герберт, слуга юнкера Стига, и сморщился от непривлекательности этого места. Мне он ничего не сказал, только стоял и смотрел. Хозяин спросил, не подать ли мне пива, или водки, или чего-нибудь поесть, и я заказал водку, чтобы поскорей прийти в себя после неожиданного появления и столь же неожиданного исчезновения Томаса.

Действительно, галиот собирался выйти в море на другой день, если, конечно, погода окажется благоприятной, сказал капитан с кислым видом и прибавил, что в каютах для пас-